

Ю. Г. Кустова

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ В ХАКАССКОЙ СЕМЬЕ

АННОТАЦИЯ. Эмоциональная и чувственная сдержанность — характерная черта этнического характера хакасов. В статье приводится обоснование этого тезиса особенностями традиционного мировоззрения, в частности теми анималистическими и анимистическими представлениями, согласно которым люди живут в Среднем мире вместе с другими существами. Грань между Средним, Верхним и Нижним мирами легко пересекаема, нарушение мирового порядка приводит к печальным и даже трагическим последствиям для человека и его окружения. Неправильное поведение, к которому в том числе относится и излишняя эмоциональность человека, может привести к дисбалансу взаимоотношений между людьми, сверхъестественными существами и природой.

В статье рассматриваются мировоззренческие основы, регулирующие правила поведения в семье, во время проведения обрядов жизненного цикла, в быту, во время хозяйственных занятий, в играх, которые при-
вивают прежде всего детям. В основе статьи лежат полевые материалы автора, собранные в разные годы на территории Республики Хакасия, а также опубликованные материалы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хакасы, семейное воспитание, традиционное мировоззрение

УДК 159.943.3:39(=152.153)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-39-45

КУСТОВА ЮЛИЯ ГЕОРГИЕВНА — к.и.н., доцент кафедры этнокультурологии, Институт народов Севера, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: juliakustova@yandex.ru

Если попытаться охарактеризовать этнический характер хакасов, то первыми словами будут сдержанность, немногословность, миролюбивость. Эти качества, конечно, не являются характерными/обязательными абсолютно для всех хакасов, но присутствуют в этнических стереотипах и автостереотипах, называемых информантами.

Действительно, в общении с хакасами часто замечаешь, что разговор между ними не бывает слишком громким, речь обычно нетороплива, размеренна, интонационно не выделяются даже эмоции удивления, радости, испуга и т. д. Такие проявления радости, как объятия, поцелуи, скорее характерны для современных хакасов, но, судя по литературе и сообщениям информантов, были довольно редки прежде.

Чем же вызвана подобная сдержанность? Ответ на этот вопрос кроется в традиционном мировоззрении, которое, несомненно, наложило свой отпечаток и на особенности этнического характера. Согласно традиционным верованиям населения Минусинской котловины, жизнь человека проходит в Среднем мире, в котором, кроме людей, живут духи природы, горные духи, горные люди, обитает хозяйка огня, духи Нижнего мира во главе с *Эрлик*-ханом, дух воды *Суг-ээзи* и т. д. Все эти невидимые существа окружают человека, находится он внутри жилища или снаружи, являются антропоморфными, ведут себя как люди, имеют те же потребности, что и настоящие люди — «люди солнечного мира», *күннig кiзi* (например, испытывают потребность в пище). Грань между миром людей и миром духов невидима, но легко пересекаема, особенно при нарушении или несоблюдении некоторых норм поведения. Так, во время охоты мужчины «вступали» в процесс общения с духом — хозяином зверей, для того чтобы умиловить его или отвлечь от пригляда за зверьями, при помощи исполнения песен, рассказывания сказок и т. д. (Бурнаков 2006: 20). Для этого мужчины брали с собой на охоту хорошего рассказчика сказок; если такого человека не было, то порой даже подросток исполнял роль рассказчика, он не охотился, а в основном поддерживал очаг в жилище, готовил еду, держал горячей воду в шалаше, сушил одежду охотников и рассказывал сказки духу — хозяину горной тайги.

Еще одним способом умиловления духов Среднего мира являлось проведение ритуала *се-ек-сеек* — жертвоприношение или кормление духов. Ритуал проводился (и сейчас проводится) перед началом праздничной трапезы, встречей гостей, во время нахождения возле сакральных мест — *обаа*, *Иней тас*, *Ах тас*¹ и др.

Вместе с тем существовала опасность невольного нарушения баланса между миром людей и миром невидимого, это происходило из-за отступления от норм поведения — несдержанности в разговоре, например произнесения бранных слов, озвучивания того, чего боишься, называния по имени человека после наступления сумерек (так как это пора активности мира невидимого, в том числе в это время в окружении человека, рядом с жилищем могут появляться души недавно умерших людей), рассказывания вслух планов на будущее и т. д. (ПМА). Маленьких детей даже днем старались не называть настоящим именем, а пользовались иносказательными именами, чтобы не привлечь внимания духов к ребенку, существу достаточно слабому.

Часто информанты упоминают, что раньше старались не допускать плача, крика маленького ребенка, чтобы он не привлекал внимания злых духов, поэтому применяли такие средства, как тугое пеленание, укачивание, отвлечение внимания при помощи погремушек, звучащих и раскачивающихся предметов (глухие колокольчики, монеты, раковины каури, перья птиц), игрушек и т. д. Часто эти же предметы использовались в качестве апотропея. Поведение ребенка считалось у хакасов свидетельством наличия невидимых существ, населяющих Средний мир. Если младенец в

¹ *Иней тас* (*Иней* — старуха, бабушка, *тас* — камень), *Ах тас* (*Ах* — белый, *тас* — камень) — сакральные места возле села Казановка Аскизского района Республики Хакасия.

колыбели как будто с кем-то разговаривает, играет с предметами, висящими над ним, улыбается, то в этот момент к нему нельзя подходить, так как его эмоциональное состояние свидетельствует о присутствии богини Умай, которая и забавляет ребенка (Кустова 2000а: 160).

Именно с этими представлениями о невидимом мире, части Среднего мира, и связаны особенности формирования норм поведения, наложившие отпечаток на некоторые черты этнического характера современных хакасов.

Правила проявления чувств и эмоций в традиционной культуре хакасов прививались детям в семье. Образцом поведения служили прежде всего родители и ближайшие родственники, а также окружающие детей взрослые. Дети копировали поведение окружающих, их стиль общения друг с другом во время обрядов, связанных с жизненным циклом человека, таких как рождение, свадьба и похороны, в трудовой деятельности и в быту.

Некоторые нормы поведения, связанные с эмоциональным отношением к событиям жизненного цикла человека, можно охарактеризовать следующим образом: рождение или смерть не должны привлекать внимания, эти два события нарушают баланс в природе и поэтому строго регламентированы в поведении людей. Проявления чувств и эмоций в этих случаях сублимируются в конкретные действия, ритуалы и нормы поведения. Свадебный обряд также регламентирован, но в этом случае взаимоотношения с природой и населяющими ее духами носят позитивный характер. Ситуация свадьбы неопасна для людей, а духи местности, хозяйка огня и другие духи после совершения конкретных ритуалов, по мнению хакасов, должны обрести благожелательное отношение к событию. В традиционной культуре бытовало представление о том, что духи тоже готовы повеселиться на свадьбе.

У хакасов считаются запретными разговоры о том, что женщина беременна, говорили, что она «заболела своей болезнью» — *агырыг поэыни* (ПМА 1994, Кочубеева). Она должна вести привычный образ жизни, выполнять все необходимые работы в доме и вне его. Широкие платья и верхняя плечевая одежда помогали скрывать особое состояние женщины. Во время родов роженице также предписывалось вести себя тихо, так, чтобы и окружающим людям, и духам не стало известно о происходящем событии. В случае, если роженица не могла разродиться, тишина вокруг происходящего нарушалась табуированными в обычное время событиями, например свекор (реже другой мужчина-родственник) мог неожиданно появиться в юрте, что во время родов считалось запретным. Роженица от испуга, как считали хакасы, должна была разродиться. Рядом с юртой или кто-то неожиданно стрелял из ружья, или раздавался другой очень громкий и неожиданный звук.

О том, что женщина родила ребенка, сообщали иносказательно («перед дров» — мальчик, «зад дров» — девочка, «стрелок или швея») (Бутанаев 1988: 208), обычно один из детей семьи оббегал *аал* (село, селение), держа в руках палочку, прутик (при рождении мальчика) или предмет, связанный с женским рукоделием, при рождении девочки.

В хакасской семье рождение ребенка праздновалось не всегда. Иногда семья обходила трапезой только в кругу своей семьи, не привлекая внимания к событию и новорожденному.

Сватовство и свадьба также сопровождалась многочисленными предписаниями в отношении поведения присутствовавших. Проведя ритуал *сеек-сеек*, гости и участники свадьбы как бы общались духов Среднего мира к событию, считалось, что эти духи должны были способствовать благополучию новой семьи. На свадьбе следовало «заручиться поддержкой» такой могущественной богини Верхнего мира, как *Умай/Ымай*, для этого считалось обязательным присутствие женщин (сваха) в особых костюмах — специальной шубе, шапке *түльгу пöрик* и нагрудном украшении *пого*. Поэтому свадьбы всегда сопровождалась радостью, весельем, на них можно было вести себя шумно, петь и т. д.

Самая яркая и богатая одежда приберегалась специально для этого случая, платья и рубахи отличались богатой вышивкой, надевались украшения, мужчины повязывали яркий широкий пояс. В этом случае вполне закономерно говорить о выражении чувств радости через народный костюм. В повседневной жизни одежда у хакасов также была контрастной, но практически не использовалась вышивка, а границы костюма (наплечники, подол, воротник, манжеты) обозначались тканью другого цвета.

Один из запретов в поведении связан как раз с одеждой. Хакасы никогда не демонстрировали обнаженное тело, даже во время родов роженице лишь разрывали платье спереди, но снимать его запрещалось, так как злонамеренные духи или хозяйка огня *От ине* могли вытянуть из ее груди все молоко, не оставив ничего ребенку. Обнаженное тело, как считали хакасы, могло «вытянуть» изпод земли всех духов, но и они тоже боялись обнаженного женского тела. Эту особенность хакасские женщины использовали в качестве иррационального метода лечения кори. Согласно сообщению информантов, дух болезни *Корь-ана* от страха перед обнаженным телом пыталась спрятаться в любой предмет, выходила из тела больного ребенка. Чаще всего ее «загоняли» в специально изготовленную куклу, которую потом отправляли вниз по реке (Кустова 2000b: 41–42).

Похоронно-погребальный обряд хакасов также отличается сдержанностью в проявлении чувств, так как связан с представлениями об отделении от умершего тела особой души *сүрүн* (или *сүне*). Как мы уже писали ранее, эту душу нельзя пугать, она до похорон должна находиться дома, возле покойника, поэтому, чтобы она «привыкла» к своему новому состоянию, дома завешивают все отражающие поверхности, а сидя рядом с покойным, следует вести спокойные, неторопливые разговоры на привычные темы — рассказывать новости, обсуждать повседневные дела и т. д. (Кустова 2005: 339). Не возбраняется даже рассказывать анекдоты, смешные случаи из жизни, но смеяться следует, как и всегда, негромко. Если соблюдены эти правила, то в день похорон душа *сүрүн* отправится вместе с покойным на кладбище, ее проводят в загробный мир так, как положено. Во время похорон, поминок нельзя громко и долго плакать, сильно выражать свое горе, скорбь, чтобы душе покойного было легче.² Вместе с тем, по сообщению информантов (ПИМА 2002, информант Кидиекова; 1994, информант Майнакова), иногда на похороны специально приглашали плакальщиц, как правило, дальних родственниц, для ритуального оплакивания умерших. Их «горе» бывало иногда нарочитым, в основном дело сводилось к исполнению специальных песнопений — горестных *тахпах'ов*, обращенных к покойному и друг к другу.

В воспитании детей хакасы следуют непреложному правилу любой традиционной культуры — воспитывать детей стоит личным примером. Поэтому в повседневной жизни взрослые тщательно следили за своим поведением, не допуская брани в лексике, громких криков или недостойного поведения. Людей, которые нарушали этические, а также социальные нормы, старались обходить стороной. Так, хакасы не общались с женщинами с неухоженными волосами, с людьми в неопрятной или порванной одежде, грубо разговаривавшими, а также с незамужними девушками примерно с 20 лет, чтобы не нарушать баланса между видимым и невидимым мирами.

Детей приучали быть спокойными, постоянно контролируя их поведение, никогда не звали детей громко по имени, а с закатом солнца и вовсе старались не отпускать на улицу и не называли

² Иллюстрацией этого могут служить фотографии из коллекции МАЭ РАН, сделанные в начале XX в. этнографом Степаном Дмитриевичем Майнагашевым во время похоронно-погребального обряда у сагайцев. На них видно, что рамки поведения четко очерчены, во время похорон родственники сидят на земле, спокойно ожидая окончания очередного этапа обряда (Майнагашев Степан Дмитриевич; см. фотографии № 2287-3 «Родные прощаются с покойным. Сагайцы», 2287-11 «На поминках: разложили костер», 2287-12 «На поминках: у костра приготовлено угощение покойнику», 2287-18 «На поминках: после угощения покойника едят живые»).

имен. Также нельзя было щекотать ребенка, пугать его, кричать на детей и применять телесные наказания. Последствием нарушения этих запретов могла быть потеря души *хут*. Для того чтобы ребенок (да и взрослый) не потерял свою душу-тень *чула*, которая обладала способностью покидать тело и возвращаться в него во время сна, нельзя было будить его громкими звуками. Предпочтительно, чтобы человек просыпался самостоятельно, без принуждения.

Одним из вариантов проявления чувств и эмоций были такие общественные развлечения, как пение, игра на музыкальных инструментах и игры. Пение было широко распространено у хакасов, но и здесь были свои ограничения. Например, нельзя было петь в горах, если только это не специальное исполнение сказок для умиловивления горного духа — хозяина зверя во время охоты. Хакасы считали, что если женщина запоет в горах, тем самым она вызовет горных людей, и они украдут ее, уведут жить в горы, или же она сама провалится внутрь горы и выбраться уже не сможет. В то же время в горах нужно вести себя тихо, чтобы вовремя услышать звуки, предупреждающие «свадебный поезд» горных людей. Считается, что знаком этого служит тихий звон колокольчиков конской упряжи. Услышав подобные звуки, следует сразу уйти из этого места, чтобы горные люди не забрали человека с собой (ПМА 1994, информант Кочубеева).

При этом можно было исполнять музыку при помощи музыкальных инструментов — все они были сделаны из натуральных материалов, и считалось, что извлекаемые звуки имитируют распространенные в природе, поэтому играть на музыкальных инструментах не возбранялось.

Особое отношение у хакасов было к обычаю слушать сказки, легенды, эпос, исполняемые особым человеком — *хайджи* (исполнитель *хай'я*, *тахпах'ов*, часто горловым пением под сопровождение *чатхана*), причем это могло происходить и в темное время суток. Считалось, что после захода солнца *хай* исполняется не только для людей (обычно родственников, представителей одного рода), но и для окружающих их духов (они тоже были большими любителями слушать песни и сказки). Пение предварялось жертвоприношением *сеек-сеек*. *Тахпахи* (лирические песни) чаще всего были обращены к конкретному человеку, исполнялись во время свадеб, праздников, а также во время проведения особых соревнований между исполнителями *тахпахов* (*тахпахчи*). В последнем случае, так как было личное обращение к конкретному человеку, считалось, что духи не могут навредить исполнителям.

У хакасов отсутствовал танец, исключение составляли пляски шамана во время камлания. Пляски вообще считались признаком того, что человек обладает шаманскими способностями, и частью его шаманской болезни.

Интересным кажется и эмоциональное отношение к неурядицам, которые, конечно, сопровождают жизнь скотовода. В случае пропажи скота, например, если овца, ягненок провалились в пещеру, грот, глубокую яму, сообщали об этом неохотно, не раздавались возгласы негодования, и вообще никаких отрицательных эмоций не высказывали. В случае если скот не вызволяли, не искали, могли сказать, что его забрали горные люди, с этим нужно смириться, следует считать это жертвой духу горы. Когда же скот пытались спасти, объясняли тем, что, возможно, этот ягненок является воплощением духа стада, и если он пропадет, то и все стадо может погибнуть. Таким образом, в обоих случаях мир «невидимых» влиял на принятие решения.

У хакасов не принято рассказывать о планах. Порой это вызывает непонимание. Например, о том, что мужчины собираются на охоту, может узнать лишь человек, который знаком с комплексом примет, связанных с началом охотничьего сезона, погодой, осадками, фазами луны, следами зверя, которые кто-то случайно увидел, и т. д. (ПМА 1995, Капсаргина). Охотники примерно могли представить, когда нужно собираться на охоту. И в этой ситуации готовности и ожидания охоты

достаточно любого иносказания, тихо произнесенного слова, чтобы договориться о времени выхода охотничьей артели. Посторонний человек не может даже догадаться о предстоящем мероприятии. Говорить открыто, что охотники собираются в тайгу, запрещено, так как об этом может узнать дух тайги — хозяин зверей и рассердиться. Конечно, мальчики-подростки ждали того момента, когда их тоже возьмут на охоту, но задавать подобные вопросы было бессмысленно, так как ответов они не получали. Мальчик должен был научиться распознавать условные знаки, наблюдая за взрослыми.

Таким образом, традиционное мировоззрение, широко распространенные легенды и мифы, рассказывающие о духах Верхнего, Среднего и Нижнего миров, служили своего рода регуляторами многочисленных запретов в повседневной жизни и поведении. Это накладывало отпечаток на особенности этнического характера хакасов. Эмоциональная сдержанность присутствовала в обрядах жизненного цикла, в быту, хозяйственных делах. Чувства и эмоции проявляли себя в ритуальных действиях, в исполнении песнопений — *тахнах'ов*, в игре на музыкальных инструментах, в играх. Дети подражали взрослым, копируя сдержанность в проявлении чувств и эмоций.

Вместе с тем многочисленные предписания в поведении, конечно, могли нарушаться, и нельзя сказать, что все хакасы всегда были такими сдержанными и молчаливыми. Описания минусинских татар, сделанные разными авторами XIX в., отмечают употребление алкогольных напитков, табака, винокурение и т. д. Выпивший человек плохо контролирует себя, нарушает запреты, что вызывает осуждение окружающих.

Современные хакасы, особенно жители сельской местности, демонстрируют описанные черты национального характера. Эти черты формируются в ходе этнической социализации, связаны с особенностями традиционной этнопедагогики, «наследуются» от членов семьи и окружающих, но зачастую не объясняются содержанием традиционных верований. Сохраняется ритуал *сеек-сеек* (во время приема гостей, на сакральных местах, во время праздничных мероприятий, в некоторых семьях ежедневно кормят хозяйку огня), при этом сами хакасы отмечают, что не знают, как правильно это делать, просто повторяют действия старших, которые видели в детстве. До сих пор детям запрещают петь песни ночью, свистеть, громко кричать и разговаривать, но почти не упоминается традиция запрета произнесения имени в темное время суток.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 1994–1995, 2000, 2002 гг.: информанты Егор Петрович Капсаргин, 1924 г. р., с. Койбалы; Ирина Кононовна Кидиекова, 1941 г. р., г. Абакан; Вера Константиновна Кочубеева, 1930 г. р., с. Улуг-Кичиг; Лидия Прокопьевна Майнакова, 1929 г. р., с. Усть-Камышта.

Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006.

Бутанаев В. Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 206–221.

Кустова Ю. Г. Традиционные представления хакасов о жизненности // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы IV Сибирских чтений 12–14 октября 1998 г. СПб., 2000а. С. 159–162.

Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб., 2000б.

Кустова Ю. Г. Погребение умерших у хакасов: жизнь после жизни // Реальность этноса. Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса: материалы VII междунар. науч.-практ. конф., 22–25 марта 2005 г. СПб., 2005. С. 338–342.

Майнагашев Степан Дмитриевич // Кунсткамера. Коллекции онлайн. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?page=4&query=майнагашев%20степан%20дмитриевич> (дата обращения: 07.11.2018).

FEELINGS AND EMOTIONS IN KHAKASSIAN FAMILY

ABSTRACT. Emotional and sensual restraint is a characteristic feature of the ethnic character of the Khakas. The article presents arguments for this statement, explaining it from the perspectives of the Khakas traditional worldview and animistic and animistic ideas in particular. According to these ideas, people live in the Middle World together with other beings. The line between the Middle, Upper and Lower worlds is easily crossed, the violation of the world order leads to sad and even tragic consequences for a person and his environment. Wrong behavior, including the excessive emotionality of a person, can lead to an imbalance in the relationship between people, supernatural beings and nature.

The article discusses the ideological foundations that regulate the rules of behavior in the family, during the rites of the life cycle, in everyday life, during economic activities, in games, etc., which are imparted, above all, primarily to children. The article is based on the field data collected by the author at different times in the Republic of Khakassia, as well as on already published materials.

KEYWORDS: Khakassia, family upbringing, indigenous beliefs

JULIA G. KUSTOVA — Candidate of Historical Sciences, Russian State Pedagogical University by A. Herzen (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: juliakustova@yandex.ru